

Н. А. БЕРДЯЕВЪ

Открывая сегодняшнее наше собраніе, (которое я начну съ собственной рѣчи, чтобы потомъ передать слово другимъ участникамъ), я предполагаю сдѣлать общее введеніе въ нашу сегодняшнюю бесѣду на тему о христіанствѣ передъ современной соціальной дѣйствительностью, поставить проблему во всей остротѣ насколько возможно, умышленно и сознательно заострить эту проблему, такъ какъ это мнѣ представляется болѣе правильнымъ, чтобы обратить на нее вниманіе и вызвать соотвѣтствующую реакцію.

Когда я думаю надъ этой темой — о христіанствѣ и современной соціальной дѣйствительности, мнѣ всегда приходитъ въ голову мысль о томъ, что несчастіе христіанства, по крайней мѣрѣ въ періодъ новой исторіи, въ періодъ ряда столѣтій, было въ томъ, что христіане все дѣлали со страшнымъ опозданіемъ, дѣлали тогда, когда то, что нужно было сдѣлать, было уже сдѣлано или не христіанами, или людьми враждебными христіанству. Христіанство же дѣлало это *post-factum*, послѣ того, какъ уже осуществилась новая дѣйствительность, въ ней приходилось жить и нельзя было не опредѣлить къ ней отношенія, но творческой инициативы не было у христіанъ на протяженіи ряда столѣтій въ соціальномъ отношеніи. Я говорю здѣсь не о внутренней духовной жизни людей, въ этомъ отношеніи христіанство всегда дѣлало свое дѣло, а объ отношеніи христіанъ къ соціальному и культурному процес-

су, къ тѣмъ жизненнымъ проблемамъ, которыя постоянно ставятся въ исторіи.

Каждое время ставить свои новыя проблемы. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что социальное и культурное творчество, социальное реформированіе и улучшеніе жизни, уничтоженіе рабства, жестокихъ наказаній, достиженіе новыхъ формъ власти, острая постановка социального вопроса, техническія открытія, — все это въ довольно долгій періодъ не по инициативѣ христіанъ дѣлалось и только потомъ христіане это признавали, часто съ начала отрицали и позже принимали съ нѣкоторымъ ужасомъ. Вотъ это есть очень тревожная и безпкойная проблема, надъ которой нужно задуматься.

Процессы улучшенія, гуманизации, освобожденія въ социальной жизни людей стали возможны только вслѣдствіе благодатнаго дѣйствія христіанства на человѣческія души. Я думаю, что это именно такъ, что лишь вслѣдствіе внутренняго сокровеннаго, часто незримаго и неуловимаго для насъ дѣйствія христіанства на человѣческія души сталъ возможенъ рядъ измѣненій, улучшеній жизни. Рабство безъ христіанства можетъ быть никогда не было бы уничтожено. Это все вѣрно, но, увы, сплошь да рядомъ не сами христіане дѣлають то, что стало возможно только потому, что христіанство въ міръ явилось. Это есть тревожный вопросъ для христіанскаго сознанія. Вѣдь часто утверждаютъ и до сихъ поръ, и можетъ быть сейчасъ даже сильнѣе, чѣмъ когда либо, что христіанину ничего другого не остается, какъ поддерживать существующій строй жизни, что это будто бы всегда такъ и было, и христіанство будетъ поддерживать всякій строй жизни, который станетъ существующимъ. Черезъ нѣкоторое время, когда онъ станетъ твердымъ и устойчивымъ, христіанство его признаеть. Вотъ такое консервативно-нетворческое отношеніе къ тому, что происходитъ

въ жизни, по разному оправдываетъ христіанское сознаніе. Это часто выводятъ изъ ученія о грѣховности человѣческой природы и ложнаго пониманія смиренія, изъ взгляда на страданія въ жизни, какъ на спасительныя для человѣческой души, наконецъ, изъ принципа освященія всякой власти, какъ идущей отъ Бога. Этимъ, конечно, страшно принижается творческая и преобразующая, активная роль христіанства въ мірѣ. Изъ истины о грѣховности человѣческой природы — а нужно сказать, что этой истиной безмѣрно злоупотребили не для борьбы съ грѣхомъ, а для покорности грѣху, — совсѣмъ не слѣдуетъ того, что нельзя бороться съ соціальной проєкціей грѣха, какъ не слѣдуетъ того, что не должно бороться съ личнымъ грѣхомъ въ своей личной жизни, не слѣдуетъ, что нельзя стремиться къ преображенію жизни, къ улучшенію жизни. Такимъ образомъ создается подавленная и упадочная настроенность, которая неизбѣжно дѣлаетъ человѣка пассивнымъ въ отношеніи происходящаго соціальнаго процесса. Наконецъ, очень часто говорятъ, что христіанство потому не можетъ играть активной роли въ соціальномъ реформированіи жизни, что оно не можетъ прибѣгать къ насилію, между тѣмъ, какъ соціальное улучшение измѣненій жизни заключаетъ въ себѣ элементы насилія, что поэтому оно не можетъ осуществлять соціальной правды, что ее легко осуществлять тѣмъ, которые принципиально допускаютъ это насиліе. Но когда это говорятъ, то забываютъ только одну очень страшную вещь, — то, что христіане совершали величайшія насилія на протяженіи всей исторіи, вовсе не для осуществления соціальной правды, а для поддержанія соціальной неправды. Въ этомъ, я думаю, ужасъ положенія и внутренняя неискренность аргумента. Смирненіе есть, вѣдь, сокровенный внутренній духовный актъ въ духовномъ пути человѣка и

смирение совсѣмъ не есть покорность передъ соціальной неправдой. Совсѣмъ не значить, что достигъ духовнаго смиренія въ христіанскомъ смыслѣ человѣкъ, который внѣшне смиряется передъ соціальной неправдой. Ужасно, наконецъ, то, что христіанское сознание, христіанскія соціальныя категоріи мысли и самъ языкъ церкви страшно отстаютъ отъ соціальной дѣйствительности и отъ того, что происходитъ въ мірѣ, и совсѣмъ уже никакимъ реальностямъ не соотвѣтствуютъ. Нѣкогда учителя церкви находились въ соотвѣтствіи съ соціальной дѣйствительностью своего времени, они творчески пытались отвѣчать на ея запросы. Таковъ былъ напр. Св. Іоаннъ Златоустъ. Такъ было еще въ средніе вѣка — соціальный языкъ церкви соотвѣтствовалъ соціальной дѣйствительности и тѣмъ процессамъ, которые въ ней происходили. Но сейчасъ, въ нашу эпоху, и соціальное мышление и соціальный языкъ церкви представляются совершенно архаическими, не соотвѣтствующими никакой реальности, какъ будто бы христіане живутъ не въ томъ мірѣ, которымъ окружены. Безспорно церковь по природѣ своей обращена прежде всего къ вѣчности и проповѣдуетъ вѣчныя истины, которыя не ветшаютъ отъ смѣны вѣковъ, которыя не ветшаютъ въ самомъ существанномъ и главномъ отъ соціальныхъ и культурныхъ процессовъ, которые въ мірѣ происходятъ. Но, вѣдь, христіанская церковь существуетъ и во времени и въ историческомъ мірѣ, въ соціальной дѣйствительности, она обращена не только къ вѣчности, но она обращена неизбежно и къ времени и неизбежно во времени дѣйствуетъ. Это отрицать совершенно и никакъ невозможно, это есть двойное положение церкви и двойной планъ, въ которомъ ей приходится дѣйствовать. Какъ бы мы ни посмотрѣли на вѣчныя основы церкви и духовной жизни,

церковь не может оградиться от того или иного отношения к социальной действительности. Она определяет неизбежно свое отношение к государству той эпохи, в которой она существует, имеет свое право, свое хозяйство. От этого не могут оградиться и монастыри, которые тоже имеют свою социальную сторону, свое хозяйство. Эта вещь несомненная. Между тем, в христианском сознании, по крайней мере в его преобладающих формах, социальный вопрос, который в каком-то смысле существовал во все времена, потому что человечество существует в социальной жизни, — продолжает представляться вопросом личной благотворительности и личного милосердия, как будто-бы и в наше время единственное христианское разрешение социального вопроса есть — помощь бедным, благотворительность. Но социальный вопрос стал совершенно иным. Он делается вопросом социального права прежде всего, а не вопросом благотворения, так ставится и так сейчас разрешается. Нужно сказать, что западное христианство и в формах католической, и в формах протестантской постоянно делало усилия привести себя в соответствие с происходящим социальным процессом, с изменившейся социальной действительностью и определить к этой действительности свое отношение. Католичество, хотя и с большим опозданием, все-таки сейчас пытается официально, через папские энциклики, ставить социальный вопрос и оно осуждает капиталистическую систему, имеет свою систему оправдания форм рабочего движения. То же самое можно сказать и о протестантском мире. Например, англо-саксонское протестантство наиболее социальное, если его сравнить с немецким лютеранством. Особенно англиканское христианство носит очень сильно выраженный социальный характер, настолько, что

значительная часть участников рабочей партіи — христіане и сплошь да рядомъ священники и епископы. Въ это же время соціальное мышленіе и языкъ православія остаются наиболѣе архаическими, точно оно не замѣтило, что міръ измѣнился и что нужно опредѣлить свое отношеніе къ этому измѣненію. Часто можно подумать, когда слышишь этотъ языкъ, что мы живемъ въ патріархальномъ обществѣ, въ системѣ натурального хозяйства и что это представляется абсолютно вѣчнымъ порядкомъ. Нужно сказать, что вообще вѣдь символика христіанства очень связана съ патріархальнымъ обществомъ и возникала въ періодъ патріархальныхъ отношеній. Но, вѣдь, и патріархальное общество, и натуральное хозяйство и вообще всякія политическія и соціальныя формы переходящи, находятся въ движеніи. Православіе часто въ своемъ соціальному мышленіи, въ соціальному языкѣ производитъ впечатлѣніе какъ будто-бы мы живемъ среди патріархальныхъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, въ то время какъ отъ патріархальнаго общества остались одни осколки. Нужно сказать, что уже передъ новымъ капиталистическимъ міромъ, — а капитализмъ былъ огромнымъ новшествомъ въ соціальному строѣ человѣчества, — христіанство растерялось и не знало какъ на него реагировать, частично отталкиваясь отъ него, частично приспособляясь къ нему. Но творческой реакціи, творческаго выхода изъ того, что жизнью было поставлено — не было найдено.

Мы живемъ въ эпоху, когда человѣческой соціальный базисъ Церкви мѣняется, это въ максимальной степени мы видимъ въ Россіи. Этотъ соціальный базисъ будетъ по преимуществу рабочимъ, совершенно оставляя нерѣшеннымъ вопросъ, какова останется степень вѣрности массъ христіанству и христіанской истинѣ. Онъ будетъ рабочимъ и частично интеллигентскимъ соціальнымъ бази-

сомъ. Никакихъ, въ старомъ традиціоннлмъ смыслѣ дворянъ, купцовъ и мѣщанъ не будетъ. Радикально мѣняется отношеніе между церковью и государствомъ и передъ церковью встають новыя задачи, иная дѣйствительность государственная и предполагаетъ коренную переработку вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Никакого возвращенія къ патріархальнымъ формамъ монархіи въ старомъ смыслѣ слова ожидать нельзя. Есть основная тенденція нашей эпохи и тенденція міровая къ тому, чтобы общество и государство вылились въ ту форму, которую я назвалъ бы рабочей демократіей. И стоитъ задача завоеванія ея для христіанства. Возможно явленіе новаго Константина Великаго изъ нѣдръ рабочей демократіи. Я употребляю имя Константина символически, не имѣя въ виду какой-либо опредѣленной личности или формы. Основные задачи, которыя поставлены современной соціальной дѣйствительностью, таковы, что никакихъ готовыхъ рѣшеній христіанскихъ тутъ нѣтъ, не только потому, что могло бы быть много рѣшеній и нѣтъ одного обязательнаго и единственнаго, а и потому, что ихъ почти совсѣмъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ для нашего православнаго сознанія. Это проблема преодоленія капитализма, проблема использованія техники для освобожденія, а не для подавленія человѣческаго духа, проблема новой организаціи труда и трудящихся, мірового урегулированія экономической жизни, — все это какъ разъ проблемы совершенно иного порядка, чѣмъ тѣ, которыя ставятся въ мышленіи и архаическомъ языкѣ людей церкви. Къ нимъ христіане должны опредѣлить свое отношеніе, т. е. христіанство должно войти творческой и просвѣтляющей силой, производящей трансформацію міра. А міръ вступилъ не только въ періодъ трансформаціи, но и въ эпоху революціи. Революцію

нужно понять какъ переходъ отъ одной исторической эпохи къ другой новой исторической эпохѣ. Это можетъ происходить болѣе мирно и болѣе бурно, можетъ быть кровавая революція на этомъ пути, можетъ ихъ и не быть, но несомнѣнно нарождается какая то новая жизнь. Революція происходитъ, и никто не можетъ и не имѣетъ права устранить отъ опредѣленія своего отношенія къ происходящему въ мірѣ. Безъ просвѣтляющей и одухотворяющей силы христіанства міру грозятъ не только внѣшнія катастрофы, — насъ почти невозможно удивить ими, скоро у насъ притупится даже острота воспріимчивости къ нимъ, особенно у русскихъ людей, — но и внутренняя духовная катастрофа, т.е. погруженіе въ тьму и духовное варварство, окончательное утопленіе всякаго качества въ океанѣ темнаго количества. Съ другой стороны христіанству грозитъ утеря его мірового значенія, оно можетъ остаться небольшою съ точки зрѣнія всемірно-исторической, замкнутой въ себѣ и внѣшне бездѣйственной силой. Это зависитъ цѣликомъ отъ опредѣленія нашего отношенія къ соціальному вопросу. Это сдѣлалось вопросомъ каждаго человѣка, почти что вопросомъ жизни каждаго человѣка, просто такое время наступило. Бывали времена, когда о соціальномъ вопросѣ думали люди, имѣющіе спеціальное призваніе къ этому, наступило время когда для каждаго человека это стало неизбѣжнымъ, если онъ не хочетъ растеряться въ мірѣ. Соціальный вопросъ есть въ величайшей степени духовный вопросъ и то, что это недостаточно признается, есть величайшее несчастье для человѣчества. Унижаетъ и компрометируетъ христіанъ, и христіанство говоритъ о наступленіи конца міра всякій разъ, когда происходитъ соціальный переворотъ, когда кончается одна историческая эпоха и начинается другая, когда новые классы приходятъ къ господству и

замѣняютъ другія. Говорить о томъ, что это конецъ міра, означаетъ такую степень погруженности въ себя, въ свой узкій кругозоръ, въ свою прикованность къ отходящимъ формамъ жизни, которая бросаетъ тѣнь на христіанство, мѣшаетъ ему быть активной силой. У христіанъ можетъ быть очень острая апокалиптическая настроенность, ощущение чувства конца, внутренняя близость къ концу міра. Это имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, между тѣмъ какъ сплошь да рядомъ, смѣшивая два плана, придаютъ невѣрный смыслъ этому. Унизительно для христіанскаго сознанія думать, что церковь можетъ существовать только въ опредѣленныхъ государствахъ и соціальныхъ формахъ. Церковь можетъ переживать жестокаго гоненія въ извѣстный моментъ, какъ она переживаетъ ихъ сейчасъ въ совѣтской Россіи. Всегда бываютъ періоды, когда церковь можетъ переживать гоненія, но думать, что она можетъ принципиально существовать только при извѣстныхъ формахъ, которыя въ извѣстный моментъ уходятъ, — есть униженіе природы Церкви, ея несоотвѣтствіе съ преходящими временными формами. Если міръ идетъ къ трудовому обществу, то конечно менѣе всего можно сказать, что христіанство не можетъ потерпѣть того, чтобы міръ пришелъ къ этому трудовому обществу. Это было бы почти издѣвательство надъ существомъ христіанства, забвеніемъ Евангелія. Мы знаемъ, что символика серпа и молота сдѣлалась символикой враждебной кресту, но вѣдь это есть весьма сложная проблема, почему такъ случилось. Я думаю, что безъ вины самихъ христіанъ этого не произошло бы, но принципиально съ символикой серпа и молота болѣе соединимъ крестъ, чѣмъ съ римскимъ правомъ или банковскими билетами. Надъ этимъ нужно задуматься. Христіанство не имѣетъ, и въ этомъ я думаю его сила, обязательной на всѣ времена единственной соціаль-

ной системы. Это и означает, что человеческой свободѣ предоставлено социальное творчество, оно только должно быть внутренне одухотворено и христианизировано, что христианинъ можетъ и долженъ участвовать въ творческомъ социальномъ процессѣ.